



## ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

**Т. Э. Рагозина**

(доктор философских наук, доцент)  
Донецкий национальный технический университет  
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

### **ФАШИЗМ КАК «БОЛЕЗНЬ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА» ЭПОХИ ГОСПОДСТВА КАПИТАЛА**

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме происхождения и сущности феномена фашизма как закономерного порождения капитализма, которое с полным основанием может быть квалифицировано как «болезнь социального организма». Опираясь на марксистскую методологию анализа общественных процессов, автор утверждает, что глубинной причиной возникновения феномена фашизма в Европе первой трети XX века является не сама по себе «диктатура финансового капитала», а буржуазные производственные отношения, образующие основание и сущность всей общественной системы в целом.*

***Ключевые слова:** фашизм как обнаружение сущности капитализма, буржуазное государство, дегуманизация человека и общества, фашизм как способ сохранения классового господства капитала.*

**T. E. Ragozina**

(Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor)  
Donetsk National Technical University  
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

### **FASCISM AS A "DISEASE OF THE SOCIAL ORGANISM" THE ERA OF THE DOMINANCE OF CAPITAL**

***Abstract.** The article is devoted to the problem of the origin and essence of the phenomenon of fascism as a natural product of capitalism, which can justifiably be qualified as a "disease of the social organism." Based on the Marxist methodology of analyzing social processes, the author argues that the underlying cause of the phenomenon of fascism in Europe in the first third of the twentieth century is not the "dictatorship of financial capital" itself, but bourgeois industrial relations, which form the basis and essence of the entire social system as a whole.*

***Keywords:** fascism as the discovery of the essence of capitalism, the bourgeois state, the dehumanization of man and society, fascism as a way to preserve the class rule of capital.*

Современная эпоха всё настойчивее демонстрирует нам зловещие признаки, свидетельствующие о ренессансе фашизма. Однако, при всей важности исследования многообразных признаков и современных форм фашизма, сегодня как никогда оказывается актуален анализ не столько самих по себе множущихся разновидностей фашизма, сколько понимание их *всеобщей сущности* – сущности феномена фашизма как такового. Это ставит в повестку дня необходимость более глубокого исследования связи фашизма с тем общественным строем, в рамках которого он



возникает и который по самой своей изначальной сущности является абсолютно враждебным человеку, обществу и культуре. Имя этому общественному строю – *капитализм*.

Заявивший о себе самым бесчеловечным образом в первой трети XX века, феномен фашизма сразу привлёк к себе внимание большого количества исследователей и общественных деятелей, породив среди них соответствующее представление о себе как о продукте исключительно эпохи империализма. С тех пор среди исследователей, занимающихся темой фашизма, классическим определением фашизма принято считать определение, представленное на VII Конгрессе Коминтерна Георгием Димитровым<sup>1</sup> (1935 г.). Согласно этому определению, «Фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... Фашизм – это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм – это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов» [1].

И хотя политика и практика фашизма XX в. действительно теснейшим образом были связаны с империалистической стадией развития капитализма, для которой характерна упомянутая выше «...диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала...» [1], тем не менее наличные формы фашизма, как те, что существовали в XX в., так и многообразные их модификации в XXI веке, всё же являются закономерным порождением не самого по себе финансового капитала, а результатом и следствием *всеобщей сущности капитализма как такового*.

Поэтому, несмотря на общепризнанность и распространённость данного определения, мы склонны считать, что оно носит односторонний характер, поскольку своим содержанием выражает не столько *сущность* феномена фашизма, сколько фиксирует *частные и особенные признаки конкретных форм обнаружения фашизма*, которые даны обыденному сознанию на поверхности событий, но при этом всё же не фиксируют подлинную *причину*, с необходимостью порождающую данное явление.

Чем же чревато подобное одностороннее понимание причин фашизации общества на современном этапе? Прежде всего тем, что оно порождает иллюзию, согласно которой во всём виноват один финансовый капитал и, более того – отдельные, «наиболее реакционные его элементы», образовавшие паразитический нарост

---

<sup>1</sup> Как известно, автором данного определения был не Георгий Димитров; он лишь взял его на вооружение и воспроизвёл два года спустя после того, как Отто Куусинен впервые озвучил его, выступая с докладом на XIII пленуме Исполкома Коммунистического Интернационала (1933 г.). Однако, поскольку Конгресс Коминтерна – мероприятие более широкое и массовое по своему представительству, чем Исполком, поэтому многими участниками Конгресса авторство данного определения оказалось связано с именем Г. Димитрова. Не исключено, что данное определение фашизма, скорее всего, вообще является плодом коллективного творчества всех или нескольких членов Исполкома Коминтерна.



над реальным сектором экономики и опутавшие его паутиной своих непосильных процентных ставок; иллюзию, согласно которой стóит лишь законодательно приструнить представителей финансового капитала, заставив их поумерить свои аппетиты и притязания, – и проблема фашизма как «власти самогó финансового капитала», как «...организации террористической расправы с рабочим классом...» будет решена. Ничуть не бывало!

Иными словами, опасность подобной иллюзии заключается в том, что она невольно уводит общественное сознание от констатации действительной причины и понимания необходимости коренного изменения самих системных основ общества – буржуазных производственных отношений в целом (и соответствующих им форм буржуазной собственности), направляя энергию масс в другое русло: в русло сведения остроты социально-классового антагонизма до уровня частного конфликта с финансовым сектором и, соответственно, частичного реформирования всего лишь одной из общественных сфер. Но в том-то всё и дело, что, оставив неизблемыми *формы собственности*, юридически закрепляющие существующие *производственные отношения*, невозможно решить проблему диктатуры финансового капитала, ибо он сам является закономерным и неизбежным порождением всё той же бесчеловечной сущности капитализма как такового – капитализма как *формы общественного устройства*, которая, если её не упразднить, будет с железной необходимостью вновь и вновь порождать оба социальных явления: *и монополизм финансовых корпораций* как самых паразитических и хищнических форм капитала, *и фашизм как политику буржуазных государств*.

Принимая во внимание сказанное, при рассмотрении вопроса о происхождении и сущности фашизма необходимо поэтому учитывать следующее. Как и во всяком процессе развития, в особенности когда речь идёт о такой сложной саморазвивающейся системе как общество, причиной появления всякой новой социальной формы, возникающей в рамках данной общественной системы, является отнюдь не событие или ряд событий и факторов, исторически непосредственно предшествующих этой форме, а такое *отношение* системы, которое образует её фундамент – само *основание* данной системы, которое, будучи *носителем всеобщего системного качества – исходного противоречия системы*, является в силу этого *источником саморазвития* данной системы и, следовательно – *действительной всеобщей причиной* возникновения всех без исключения новых формообразований данной системы<sup>2</sup>. – Такова марксистская методология анализа общественных процессов.

Отталкиваясь от этой методологии, мы утверждаем следующее: действительной причиной возникновения фашизма как социального феномена, который вос-

---

<sup>2</sup> Эти формообразования, согласно научному словарю К. Маркса, получили в марксизме название *форм превращённых*, то есть – форм, *производных от исходной, субстанциальной формы* существования всей системы, каковой в данном случае выступают *буржуазные производственные отношения*. По общим вопросам марксистской теории и методологии анализа исторических процессов мы можем порекомендовать 1-ю главу монографии В. П. Кузьмина «Принцип системности в теории и методологии К. Маркса» [2], а также блестящую монографию Г. В. Старк «Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости Карла Маркса»» [6].



производится с завидным постоянством в качестве всеобщей устойчивой формы политики и практики *всех развитых капиталистических государств*, являются не события и факторы, исторически непосредственно предшествовавшие фашистским режимам в Европе первой трети XX века в виде «диктатуры финансового капитала», а факторы, составляющие *само основание* данной системы – буржуазные *производственные отношения*, юридически возведённые в *норму*, в *закон* функционирования всех без исключения сфер капиталистического общества. *Финансовый же капитал*, в силу того что он изначально не есть нечто возникшее самостоятельно и существующее автономно от системы буржуазных производственных отношений, хотя и оказывается ближайшим историческим фактором, непосредственно предшествующим *фашизму* первой трети XX века, всё же *не является* его подлинной причиной.

Исходя из этого, мы считаем необходимым сказать следующее: относясь к определению фашизма Георгия Димитрова/Отто Куусинена не как к догме, а как к одному из важных теоретических результатов, полученных на сравнительно раннем этапе осмысления этого феномена, отдавая дань уважения указанным деятелям Коминтерна и их соратникам, тем не менее считаем необходимым внести некоторые коррективы и дополнения, касающиеся происхождения и сущности фашизма.

**Фашизм** – это *враждебная человеку сущность капитализма*, которая реализуется в предельно жёстких, радикальных формах политики и практики буржуазного государства, находящегося в монопольном владении у крупного капитала; это *изначально свойственная капитализму его бесчеловечная сущность*, когда труд оказывается вынужденным «...создавать чужую собственность, а собственность – распоряжаться чужим трудом» (К. Маркс) [3, с. 184];

**Фашизм** – это политика и практика буржуазного государства, возникающая в период острых экономических кризисов, посредством которой реализуется власть крупного капитала, направленная на *предельное ужесточение эксплуатации* трудящихся посредством законодательно утверждённых норм, предусматривающих жёсткие санкции вплоть до форм физического принуждения, репрессий и расправ.

**Фашизм** – это диктатура всего крупного капитала, который использует государство как инструмент реализации *абсолютного права власть имущих добиваться подчинения себе силой* в том числе за счёт установления *тотального контроля* во всех областях жизни общества за деятельностью социальных групп и классов с целью *удержания и продления своего господства любой ценой*: ценой террористических расправ с революционной частью общества, ценой развязывания грабительских войн и территориальных захватов, ценой установления системы колониальной зависимости одних стран и народов от других.

При всей внешней многоликости феномена фашизма, нельзя не видеть, что именно капиталистический способ производства как таковой является самой глубокой, всеобщей основой фашизма, а значит – и его действительной, подлинной причиной, порождающей многообразие всех наличных конкретно-исторических форм его существования; именно эта исходная для капитализма социальная основа – система буржуазных производственных отношений, приводимая в действие законом производства прибавочной стоимости, – именно она, а не сам по себе финансовый капитал, есть та *социальная сила*, которая с неизбежностью порождает *фа-*



иизм. Исторически фашизм зарождался и созревал вместе с капитализмом как необходимый фермент его социального метаболизма, который был свойственен капитализму *изначально*, но который определённое время находился в *состоянии инкубационного периода*. Свои зрелые формы, обнаруживающиеся в конкретной политике, практике и идеологии буржуазных государств, фашизм обретает *не сразу*, а в соответствии с историческими фазами зрелости самого капитализма.

Поэтому в связи с проблемой актуализации современных процессов фашизации общественной жизни, происходящих весьма интенсивно в том числе и в рамках российской действительности, будет вполне оправданно внимательно присмотримся к более ранним формам фашизации капиталистического общества, которые обнаружили свой бесчеловечный характер в качестве устойчивой тенденции развития задолго до стадии империализма и задолго до появления термина «фашизм»<sup>3</sup>. И в этом нам поможет одно из самых ранних произведений марксизма – работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», которая была написана Энгельсом в сентябре 1844 – марте 1845 г. и которую Ленин относил к лучшим произведениям мировой социалистической литературы<sup>4</sup>.

\*\*\*

С самого начала сошлёмся на свидетельство Энгельса о том, что положение английского рабочего класса он «...изучал в течение двадцати одного месяца путём собственных наблюдений и по официальным и другим достоверным отчётам» [7, с. 513], что в итоге позволило ему сделать ряд выводов принципиального характера. Исследуя экономический и политический строй Англии 40-х годов XIX века, Энгельс на примере этой страны, наиболее развитой на тот период в промышленном отношении по сравнению с другими европейскими странами, выявляет целый ряд закономерностей развития капиталистического общества, которые спустя 100 лет с поразительной схожестью (хотя и в значительно бóльших масштабах) заявят о себе в эпоху установления фашистских режимов не только в гитлеровской Германии 30-40-х годов XX века, но и в других странах, став убедительным подтверждением истинности методологического кредо, которое К. Маркс сформулировал в «Капитале»: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего» [4, с. 9]. Через призму этого методологического кредо мы и будем оценивать те закономерности английского капитализма, которые выявил Ф. Энгельс, сравнивая их с процессами первой трети XX века.

---

<sup>3</sup> Думать, что *фашизм* как социальное явление впервые возник примерно тогда же, когда появился *термин*, его обозначающий, и когда возникли первые теоретические попытки осмысления его наличных форм существования (первая треть XX в.), это всё равно, что считать, будто *классы* и *классовая борьба* тоже зародились и возникли никак не раньше, а только в начале XIX в. – когда французские «историки периода Реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера» впервые детально исследовав факт борьбы классов, стали «постоянно указывать на него как на ключ к пониманию французской истории» [8, с. 308].

<sup>4</sup> Что же касается К. Маркса, то он, излагая в «Предисловии к критике политической экономии» суть своего материалистического понимания истории, оценивает эту работу Энгельса как такую, в которой «Фридрих Энгельс <...> пришёл другим путём к тому же результату, что и я (ср. его «Положение рабочего класса в Англии»)» [5, с. 8].



Так, анализируя бесчеловечные формы наёмного рабства, Энгельс фиксирует неизбежность появления при капитализме периодически повторяющихся *экономических кризисов*, которые, по мере расширения капиталистического производства, с одной стороны, неизбежно ведут к появлению «*избыточного населения*» Англии» в виде «резервной армии, в эпохи кризисов возрастающей неимоверно» [7, с. 320], а с другой стороны – к *усилению и ужесточению форм эксплуатации* рабочего класса, которые фактически сразу получают *законодательное закрепление*, обретая статус *официальной политики*. В итоге условия жизни и работы, в которых оказываются английские городские рабочие и безработные, равно как и отношение к ним властей, дают Энгельсу полное право предъявить английской буржуазии обвинение в преступлении против человечности, которое он называет «*преднамеренным социальным убийством*».

Вот эта удивительная по своей интеллектуальной и нравственной силе обвинительная речь Энгельса, которую, за исключением нескольких отдельных фрагментов, мы вынуждены привести полностью: «Если один человек наносит другому физический вред, ...который влечёт за собой смерть потерпевшего, мы называем это убийством; если убийца заранее знал, что вред этот будет смертельным, то мы называем его действие *предумышленным убийством*. Но если общество ставит сотни пролетариев в такое положение, что они неизбежно обречены на преждевременную, неестественную смерть, на смерть насильственную в такой же мере, как смерть от меча или пули; если общество лишает тысячи своих членов необходимых условий жизни, ставит их в условия, в которых они жить *не могут*; если оно *сильной рукой закона* удерживает их в этих условиях, пока не наступит смерть, как неизбежное следствие; если оно знает, великолепно знает, что тысячи должны пасть жертвой таких условий, и всё же этих условий не устраняет, – это тоже убийство, в такой же мере как убийство, совершённое отдельным лицом <...> И я попытаюсь доказать, что английское общество ежедневно и ежечасно совершает нечто, с полным правом называемое на страницах английской рабочей печати *социальным убийством* <...> Далее я докажу, <...> что общество *знает*, каковы последствия установленного им порядка, что, следовательно, его образ действий является не просто убийством, а *убийством предумышленным*, я это доказываю хотя бы тем, что для установления самого факта убийства использую официальные документы, правительственные и парламентские отчёты» [7, с. 329-330].

Говоря об английской буржуазии, которая прекрасно осведомлена об ужасающем положении рабочего класса, которая ежедневно читает обо всём этом в газетах, но которая ничего не предпринимает для устранения этого положения, ибо всё это продиктовано её собственными экономическими интересами, Энгельс совершенно обоснованно утверждает, что именно поэтому буржуазия даже «...не вправе протестовать, если, на основании всех приведённых мной официальных и неофициальных свидетельств, которые *не могут* не быть ей известны, я предъявлю ей *обвинение в социальном убийстве*» [7, с. 343].

Преднамеренное массовое *социальное убийство* – этот характерный симптом будущего фашизма XX столетия, который получит название *геноцида*, – у Энгельса вовсе не метафора и не «фигура речи». Чего только стоит, например, узаконенная практика захоронения бедняков, описание которой Энгельс даёт в своей работе: «С



мёртвыми обращаются не лучше, чем с живыми. Бедняка закапывают ... как издохшую скотину. Кладбище *Сент-Брайдс*, в Лондоне, где хоронят бедняков, представляет собой голое, болотистое место ... усеянное кучами костей. Каждую среду умерших за неделю бедняков бросают в яму в 14 футов глубиной, поп торопливо бормочет свои молитвы, яма слегка засыпается землёй, чтобы в ближайшую среду её можно было опять разрыть и бросить туда новых покойников, и так до тех пор, пока яма не наполнится до отказа» [7, с. 511].

Как видим, ситуация в Англии середины XIX столетия, описанная Энгельсом и воссоздающая абсолютно бесчеловечный облик английского общества периода зрелого капитализма, мало чем отличается от эпохи империализма, от ситуации 40-х годов XX века в гитлеровской Германии, когда тракторами и бульдозерами сваливали в огромные ямы сотни скелетов людей, замученных в концлагерях от непосильного труда и голода. Правда, в Англии середины XIX века ещё не было такого «прогресса» в виде техники (тракторов и бульдозеров) и это, пожалуй, одно из отличий, да ещё то обстоятельство, что массовому «преднамеренному социальному убийству» в Англии XIX века подвергалось пока преимущественно своё собственное, внутреннее население страны, а не военнопленные и мирные граждане других стран, угнанные в *трудовые лагеря*. Сомнительный «прогресс», который был достигнут эпохой империализма, заключался в том, что все эти бесчеловечные формы эксплуатации человеческого труда и антигуманные отношения к человеческой личности, характерные для Англии середины XIX века, в начале XX века уже *перерастут* рамки отдельных национальных государств и обретут статус также и международной практики. Однако *суть* подобных явлений останется той же самой: звериный облик фашизма в обоих случаях будет не чем иным, как закономерным осуществлением и проявлением *враждебной человеку сущности капитализма*.

Энгельс, будучи одним из первых прогрессивных мыслителей XIX века, кто, столкнувшись с противоречиями зрелого английского капитализма, делает их предметом всестороннего изучения, благодаря чему ему удаётся уже тогда воссоздать всю полноту ужасающей социальной картины общества, основанного на эксплуатации рабочей силы, лишённой всего, в том числе и человеческого достоинства. И его уже тогда потрясает глубина *безнравственного отношения* буржуазии к рабочему классу как к скоту, который достоин только *кнута*: «...рабочие не только в физическом и интеллектуальном, но и в моральном отношении отвергнуты господствующим классом и покинуты на произвол судьбы. Единственный аргумент, к которому буржуазия прибегает против рабочих, когда они слишком подступают к ней, это *закон*; как будто они неразумные животные, к ним применяют только одно воспитательное средство – *кнут, грубую, не убеждающую, а устрашающую силу*» [7, с. 347]. Спустя несколько десятков лет в период очередного мирового экономического кризиса сразу в нескольких европейских странах *закон* как *устрашающая сила* снова явит себя в соответствующей политике и практике правящих классов, но только уже не в образе *кнута*, а в образе *fasces* (фасции, фашины)<sup>5</sup>.

<sup>5</sup> Латинское слово *fasces* (фасция, фашина) – пучок, связка перетянутых верёвкой или ремнём прутьев, из которых выступал топор. Фасцию впереди (или сзади) императора нёс ликтор – верховный судья и одновременно палач в Древнем Риме. Она символизировала



В XIX веке таким *кнутом* в буквальном смысле слова был новый закон о бедных, содержание которого Энгельс подвергает критическому анализу, детально демонстрируя всю чудовищность последствий его применения в *рабочих домах* Англии, которые по бесчеловечности действовавших в них внутренних режимов и распорядков подчас превосходили обычные тюрьмы: «...закон по существу дела рассматривает бедняков как преступников, рабочие дома – как исправительные тюрьмы, обитателей их – как людей, стоящих вне закона, вне человечества, как воплощение всякой скверны <...> Приведу здесь несколько примеров» [7, с. 508].

Мы не будем воспроизводить все многочисленные обвинительные факты вопиющего, абсолютно бесчеловечного отношения властей Англии к пролетариям и беднякам, которые приводит Ф. Энгельс. Остановимся лишь на некоторых: «В рабочем доме в *Гринвиче* летом 1843 г. пятилетний мальчик в наказание за какой-то проступок был заперт на три ночи в мертвецкую, где ему пришлось спать на крышке гроба. – В рабочем доме в *Херне* то же самое проделали с маленькой девочкой ...; этот способ наказания, по-видимому, вообще является здесь излюбленным. Этот рабочий дом ... отличается, между прочим, и тем, что все окна в нём выходят во внутренний двор и только недавно было пробито два окна, позволяющие его обитателям взглянуть на внешний мир. Журналист, описавший это в «*Illuminated Magazine*», заканчивает свою статью следующими словами: «Если господь бог наказывает человека за преступление так, как человек наказывает человека за бедность, то горе потомкам Адама!» [7, с. 508].

Без нравственного содрогания читать сцены насилия над человеческой личностью, описанные Энгельсом и ставшие обвинительным актом капитализму, просто невозможно (некоторые из них даны ниже в сноске) <sup>6</sup>.

Принципиально важный момент, на который вслед за Энгельсом мы считаем необходимым обратить особое внимание, заключается в следующем: все регулярно

---

абсолютное право власть имущих добиваться подчинения себе силой с помощью *карающего закона*.

<sup>6</sup> «В рабочем доме в *Бирмингеме* происходили такие позорные вещи, что в декабре 1843 г. туда, наконец, был послан чиновник для расследования дела. Он установил, что четверо *trampers* ... были заперты совершенно раздетыми в карцер (*blackhole*) под лестницей; их здесь продержали 8-10 дней, часто голодными, не давая им ничего есть до середины дня – и это в самое суровое время года. Один маленький мальчик подвергся всем видам заключения в этом доме: сначала он сидел в сводчатой сырой и тесной кладовой, затем два раза в карцере, причём во второй раз он оставался в нём три дня и три ночи; затем он столько же времени просидел в старом карцере, ещё худшем, чем первый, и наконец в специальной ночлежке для бродячих безработных ... с дощатыми нарами, в которой чиновник при ревизии застал ещё двух оборванных, скорчившихся от холода мальчиков, находившихся там уже четыре дня» [7, с. 509].

Или вот другой пример: «В рабочем доме в *Бетнал-Грине*, в Лондоне, женщину, находившуюся на шестом месяце беременности, не допустили во внутреннее помещение и заперли её вместе с ребёнком, которому не было ещё двух лет, в приёмной, где она оставалась с 28 февраля до 20 марта 1844 г. без кровати и каких-либо приспособлений для удовлетворения естественных нужд. Муж её тоже был приведён в рабочий дом, и когда он попросил освободить его жену из заточения, то был за эту дерзость посажен на 24 часа в карцер на хлеб и воду» [7, с. 510].



происходящие в *периоды кризисов* и всякий раз законодательно закрепляемые ужесточения эксплуатации подневольного труда пролетариев, обречённых английской действительностью на чудовищные условия жизни в трущобах больших городов, атмосфера которых напоминает картины ада, равно как и все преступные применения закона о бедных в английских *рабочих домах*, – всё это, конечно же, вне всяких сомнений тоже было формами «...террористической расправы с рабочим классом...», только формами исторически более ранними. Но при этом Энгельсу совершенно очевидно, что всё это является следствием деятельности и интересов отнюдь не каких-то отдельных, «...наиболее реакционных ... элементов финансового капитала»<sup>7</sup>, а результатом реализации *всем классом буржуазии в целом* своих экономических интересов: «В этом государственном мероприятии английская буржуазия выступает *in corpore*, как власть имущая, и ясно показывает, <...> что это мероприятие исходит не от одной какой-нибудь группы буржуазии, а получило одобрение всего класса. <...> Либеральное большинство издало этот закон, консервативное большинство его подтвердило, а благородные лорды оба раза дали на него своё «согласие». Так пролетариат был объявлен вне государства и вне общества; так открыто было провозглашено, что пролетарий – не человек и не стоит того, чтобы с ним обращались по-человечески» [7, с. 512-513].

Как видим, наличие *института парламентаризма* ни тогда, ни сегодня не служило и не служит гарантией невозможности принятия антигуманных законов, освящающих политику и практику ужесточения классового гнёта вплоть до открытого террора по отношению к трудящимся. Скорее наоборот: английское государство в целом со всеми его политическими институтами уже тогда выступало эффективным инструментом именно такой идеологии, политики и практики, в которых получала реализацию *враждебная человеку фашистская сущность капитализма*. Принятие подобных законов стало показателем того, что инкубационный период социальной болезни под названием *фашизм* закончился и что ему на смену пришли первые *наличные формы* его существования, беспристрастно зафиксированные Энгельсом посредством анализа социально-экономической и политической действительности Англии – пусть пока и без использования специального термина («фашизм») и пока только в масштабах отдельно взятого национального государства.

Характерно, что эта враждебная человеку природа капитализма, на поверхности общественных процессов обнаруживающая себя в феномене фашизма, предстаёт сразу в трёх ипостасях – как некая триединая сущность: 1) экономические интересы класса буржуазии закономерно и повсеместно порождают практику постоянного неограниченного *ужесточения эксплуатации труда* фабричных рабочих; практику *рабочих домов* с их террористическим режимом пыток и наказаний людей, вытолкнутых капитализмом на самое дно социальной жизни; практику бесчеловечных условий не только жизни, но и смерти бедняков, – практику, 2) юридически узаконенную представителями всех политических партий английской буржуазии и ставшую тем самым официально осуществляемой буржуазным государством *политикой расправы с пролетариатом – политикой преднамеренно осу-*

<sup>7</sup> Меж тем, финансовый капитал уже тогда был вполне зрелым и влиятельным фактором английской экономики и всей буржуазной действительности.



ществляемого социального убийства, которая 3) получает своё оправдание в открыто освящённой принятыми законами идеологии буржуазии как господствующего класса, согласно которой «...пролетарий – не человек и не стоит того, чтобы с ним обращались по-человечески» [7, с. 513].

Итак, фашизм как социальный феномен возникает значительно раньше, чем появляется соответствующий термин, его обозначающий. Первоначально начавший формироваться в рамках национальных государств и (на примере Англии) заявивший о себе совершенно очевидным образом ещё в канун разразившегося в Европе первого в истории капитализма мирового экономического кризиса 1857-1858 гг., который охватил все крупные европейские страны и США, феномен фашизма через каких-то несколько десятилетий в период очередного мирового экономического кризиса начала XX века, станет «достоянием» уже нескольких европейских государств.

При этом более зрелые исторические формы фашизма продемонстрируют миру, что и на высшей стадии существования капитализма, получившей название империализма, несмотря на то, что к этому времени капитализм и его детище – фашизм – уже преодолеют рамки национальных государств, тем не менее и на этой стадии преступления империализма против человечества в виде массового геноцида с его теориями нацизма, расизма, шовинизма, и проч., будут иметь принципиально ту же социально-классовую, экономическую природу, что и процессы дегуманизации человека и общества середины XIX ст. Эта изначальная сущность капиталистического способа производства, обнаруживающая себя в соответствующей идеологии, политике и практике теперь уже империалистических государств, а не сам по себе финансовый капитал, и есть подлинная причина, источник и механизм, с неизбежностью порождающий новые, более агрессивные и бесчеловечные формы фашизма, которые становятся реальностью также и наших дней.

Нам нечего к этому добавить, кроме того, что *работные дома* Англии и созданный буржуазией для устрашения социальных низов *кнут закона о бедных*, освящающий проклятье принудительно-исправительного труда пролетариев, ставшего наказанием за их бедность; проклятье, сопровождаемое пытками и бесчеловечным отношением, – это прообраз будущих *трудовых концлагерей*; это не что иное, как картина ближайшего фашистского будущего европейских стран, которую демонстрирует Англия как самая передовая в промышленном отношении страна на тот момент. Вряд ли можно отрицать, что повсеместная практика создания *работных домов* во всех больших городах Англии – это хотя и исторически более ранняя, но тоже «...организация террористической расправы с рабочим классом...», о которой повествует один из фрагментов определения фашизма Димитрова/Куусинена, только происходит эта «расправа» почти на сто лет раньше и порождена не отдельными, «наиболее реакционными элементами финансового капитала», а является следствием консолидации всего класса буржуазии на основе общности экономических интересов, солидарно представленных в законе о бедных, ставшим своеобразным устрашающим *кнутом*, на смену которому в XX в. придёт устрашающая *fasces* Б. Муссолини.

Эта политика и практика фашизации общественной жизни, первоначально складывавшаяся в английском обществе отчасти стихийно, но почти сразу полу-



чавшая законодательное закрепление, спустя каких-то 85 лет в новых исторических условиях будет уже осознанно артикулирована и реализована политическими силами сразу в нескольких европейских странах: равным счётом то же самое, что проделывали с народом Англии благородные лорды вместе с либералами и консерваторами, принимая всё более жёсткие поправки к *закону о бедных* (Poor-Law-Amendment-Bill), открыто провозгласит в качестве политического идеала Б. Муссолини. Только у Муссолини, как уже было сказано выше, в качестве образа, символизирующего идеальное средство наведения порядка в обществе, место *кнута* займёт *fasces* (фасция, фашина) – символ, который в 1921 составит идейную основу национальной радикальной политической партии Б. Муссолини – «Partito Nazionale Fascista»; партии, которая, понимая всю необходимость возрастающего в кризисные периоды ужесточения эксплуатации трудящихся, во избежание социального взрыва и предотвращения революции изберёт ещё такое эффективное средство обеспечения общественного порядка, как *тотальный контроль всех областей жизни общества*.

Нечто схожее (с разными вариациями) произойдёт в Венгрии 1920-1944 гг., в нацистской Германии во время правления Гитлера 1933-1945 гг., в Испании 1939-1975 гг. и позже в целом ряде других стран, в которых таким образом будет реализовано *абсолютное право власть имущих добиваться подчинения себе силой с целью удержания и продления своего господства*.

Как видим, английская практика фашизации общества лишь несколько опередила соответствующую политику, практику и идеологию европейских стран. К слову сказать, Российская Империя начала XX века – не исключение. Российская действительность, достигшая к этому времени определённой степени зрелости капитализма и потому уже всюду сотрясаемая социально-классовыми антагонизмами, на примере Ленского расстрела в 1912 г. мирных рабочих, выдвинувших требование 8-часового рабочего дня, в результате чего 270 человек было убито и 250 ранено; на примере регулярных черносотенных погромов; на примере расправ над революционной частью интеллигенции посредством ссылок и тюрем, – российская действительность уже тогда (как, впрочем и сейчас) демонстрировала, что она развивается отнюдь не в соответствии с каким-то *«особым русским цивилизационным кодом»*, а в полном соответствии со *всеобщими законами капиталистической формации*.

Именно эти бесспорные факты истории демонстрируют великую истину марксизма, которую в данном случае не грех повторить ещё раз: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего» [4, с. 9]. Первопроходцем, показавшим другим европейским странам картину их ближайшего фашистского будущего, была Англия... Прямо скажем, сомнительная в нравственном отношении историческая пальма первенства!

Правда, положительным итогом рассмотренного выше процесса развития английского капитализма было то, что в Англии раньше, чем в других странах впервые была обнаружена и диагностирована опасная для человечества болезнь: «Болезнь социального организма, которая, - согласно оценке Ф. Энгельса, - получила



...острую форму и тем самым раскрылись её истинная сущность и способ её излечения» [7, с. 354].

Поскольку истинная сущность такой болезни социального организма, как *фашизм*, заключается в том, что он есть *бесчеловечная форма осуществления господства капитализма*, постольку способом её излечения может быть только *с о ц и а л и з м!*

#### **Библиографический список:**

1. Димитров Г. Доклад на VII Конгрессе Коминтерна / Димитров Г. <https://rkrp.rus/2019/09/26/определение-фашизма-в-докладе-г-димит/>
2. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса // В. П. Кузьмин. - 2-е изд. – Москва: Политиздат, 1980. – 312 с.
3. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1968. – Т. 46. Ч. I. – 559 с.
4. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1960. – Т. 23. – 907 с.
5. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1959. – Т. 13. – С. 1-167.
6. Старк Г. В. «Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости Карла Маркса»»
7. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 2. – С. 231-517.
8. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 2. – С. 269-317.

#### **References:**

1. Dimitrov G. Doklad na VII Kongresse Kominterna / Dimitrov G. <https://rkrp.rus/2019/09/26/определение-фашизма-в-докладе-г-димит/>
2. Kuz`min V. P. Princip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa // V. P. Kuz`min. - 2-e izd. – Moskva: Politizdat, 1980. – 312 s.
3. Marks, K. E`konomicheskie rukopisi 1857-1859 godov (Pervonachal`ny`j variant «Kapitala») / K. Marks, F. E`ngel`s // Soch. - Izd. 2-e. – M., 1968. – T. 46. Ch. I. – 559 s.
4. Marks K. Kapital / K. Marks, F. E`ngel`s // Soch. - Izd. 2-e. – M., 1960. – T. 23. – 907 s.
5. Marks K. K kritike politicheskoy e`konomii / K. Marks // Soch. / K. Marks, F. E`ngel`s. – Izd. 2-e. – M., 1959. – T. 13. – S. 1-167.
6. Stark G. V. «Sociologicheskij analiz poznavatel`nogo processa v «Teo-riyah pribavochnoj stoimosti Karla Marksa»»
7. E`ngel`s F. Polozhenie rabocheho klassa v Anglii / F. E`ngel`s // Soch. / K. Marks, F. E`ngel`s. – Izd. 2-e. – M., 1955. – T. 2. – S. 231-517.
8. E`ngel`s F. Lyudvig Fejerbax i konecz klassicheskoy nemeczkoj filosofii / F. E`ngel`s // Soch. / K. Marks, F. E`ngel`s. – Izd. 2-e. – M., 1955. – T. 2. – S. 269-317.